

Публичный порядок – «неуправляемая лошадь» российской судебной практики?

Научный руководитель – Кучер Алена Николаевна

Дергунова Вера Алексеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: dergunova.post@mail.ru

«Публичный порядок – это весьма неуправляемая лошадь, и, однажды оседлав её, никогда не знаешь, куда она тебя унесёт», – отмечал суд в деле *Richardson v. Mellish*, предостерегая от чрезмерного обращения к данной категории [1]. Эта метафора точно отражает современную ситуацию в российском праве: при отсутствии нормативного определения содержание понятия публичного порядка вырабатывается судебной практикой, вследствие чего именно суды фактически устанавливают пределы его применения, что ведёт к расширению и размыванию данной категории.

Первую попытку систематизации содержания публичного порядка предпринял Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, определив его как совокупность фундаментальных правовых начал, обладающих высшей императивностью, универсальностью и особой публичной значимостью, составляющих основу экономической, политической и правовой системы государства [2]. К таким началам, в частности, отнесён запрет на совершение действий, прямо запрещённых сверхимперативными нормами, если эти действия наносят ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагивают интересы больших социальных групп либо нарушаются конституционные права и свободы частных лиц.

Позднее Пленум Верховного Суда РФ предложил двухступенчатый тест: во-первых, нарушение фундаментальных начал правовой системы либо норм непосредственного применения, а во-вторых, наступление последствий в виде ущерба публичным интересам или конституционным правам [3]. Несмотря на попытки структурирования подхода, используемые критерии остаются широкими и оценочными.

Ситуация усложнилась после 2022 года, когда дополнительным фактором неопределённости стали указы Президента РФ [4] и распоряжение Правительства РФ [5], сформировавшие специальный режим исполнения обязательств перед иностранными кредиторами. Эти акты прямо не регулируют вопросы признания и приведения в исполнение иностранных решений, однако в судебной практике на них стали ссылаться при оценке публичного порядка, придавая им значение при разрешении споров о допустимости исполнения.

Так, в деле *C. Thywissen GmbH против ООО «Новосибирскхлебпродукт»* Верховный Суд поставил под сомнение беспристрастность арбитражного трибунала, сославшись на то, что один из арбитров являлся гражданином Украины, и именно это обстоятельство было положено в основу отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения [6]. В деле *АО «Группа ГМС» против FITCH Ratings CIS Ltd* суд признал арбитражное соглашение противоречащим публичному порядку, сославшись на санкции, введённые Европейским союзом, Соединёнными Штатами Америки и Великобританией в отношении Российской Федерации [7]. Ещё один пример – *Анайкина В.В., Бондарева К.В. против Евдокимова Н.В.* суд отказал в признании решения суда США, сославшись на отсутствие доказательств соблюдения принципа взаимности [8].

Таким образом, публичный порядок в российской практике фактически превратился в конструкцию с подвижными границами, содержание которой формируется не законом, а

судебным толкованием и совокупностью действующих нормативных предписаний. Указы Президента РФ, прямо не регулирующие вопросы признания и приведения в исполнение иностранных решений, уже учитываются судами при оценке публичного порядка, формируя дополнительный фильтр вне рамок процессуального законодательства о признании и исполнении решений. Нормативное закрепление понятия публичного порядка позволило бы ограничить судебное усмотрение и вернуть данную категорию к её исходной функции — защите фундаментальных основ правопорядка.

В зарубежных правопорядках, на примере Швейцарии [9], Франции [10] и Германии [11], публичный порядок определяется через защиту фундаментальных правовых ценностей, закреплённых в основном законе страны и международных актах. Отказ в признании и исполнении решений по мотиву нарушения публичного порядка допускается лишь при прямом посягательстве на основы конституционного строя и общепризнанные принципы и нормы международного права. Зарубежная судебная практика сформировала узкий подход к интерпретации данного понятия, который может служить ориентиром для российского регулирования.

С учётом этого в российском законодательстве публичный порядок целесообразно определить как совокупность конституционно закреплённых принципов и сверхимперативных норм, нарушение которых при исполнении иностранного судебного или арбитражного решения создаёт прямое и очевидное противоречие Конституции Российской Федерации и общепризнанным принципам и нормам международного права.

Источники и литература

- 1) Richardson v. Mellish, Court of Common Pleas, 1824.
- 2) Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156.
- 3) Постановление Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 53.
- 4) Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79.
- 5) Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95.
- 6) Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р.
- 7) Определение ВС РФ от 26.07.2024 № 304-ЭС24-2799 (дело № А45-19015/2023).
- 8) Постановление 9 ААС от 20.12.2023 № 09АП-77490/23 (дело № А40-91304/2023).
- 9) Постановление АС Московского округа от 24.07.2023 № Ф05-16924/23 (дело № А40-242631/2022).
- 10) Matuzalem v. FIFA, Swiss Federal Tribunal, 27 March 2012.
- 11) SNF v. Cytec Industries, Paris Court of Appeal, 23 March 2006; Cour de cassation, 4 June 2008.
- 12) Bundesgerichtshof, Decision KZB 75/21, 29 September 2022.